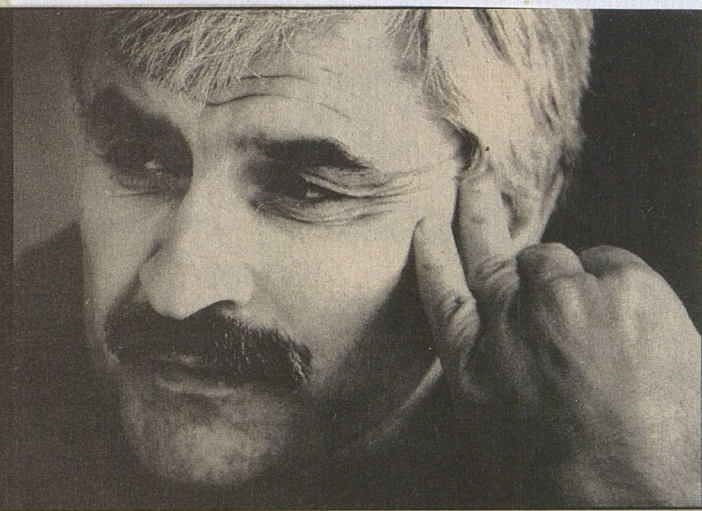

Александр ТКАЧЕНКО:

У истоков русского ПЕН-клуба стояли Зощенко и Булгаков

Очередной, 67-й конгресс международного ПЕН-клуба пройдет весной 2000 года в Москве. На то, как водится в приличной компании, международный секретарь Жан Бло испросил согласия у мэра Лужкова и получил его.

Вокруг пошли разговорчики: неча деньги тратить зазря на писательскую тусовку. Чего она Москве? Документально известно, что конгрессы международного ПЕН-клуба только уныние и скуку навевали на великих писателей и поэтов, ненароком туда угодивших.

Абсолютно без всякого понятия о деятельности ПЕН-клубов (как и 99 процентов нормальных людей) и даже несколько расстроенная, что иностранцы будто бы всучили нам нечто одиозно-формальное, я связалась с генеральным секретарем русского ПЕН-клуба поэтом Александром Ткаченко.

Вечерний клуб. — 1998. — 3 сент. — с. 5

— Почему русский ПЕН-клуб был создан только в конце 80-х?

— ПЕН-клуб не может существовать в стране, где есть цензура, а также при тоталитарном режиме. Коль в нашей стране можно проводить конгресс — это говорит о многом. Сколько до этого мы в ней жили — не проводили же! А в других странах на конгрессах ПЕН-клуба то и дело звучали заявления о нарушении прав человека в нашей стране, о преследовании Солженицына, Владимира Войновича... В 2000 году мы впервые поставим такие вопросы в Москве относительно других стран.

— А до того никаких попыток не предпринималось?

— В 30-е годы вопрос о создании русского ПЕН-клуба поставили Зощенко и Булгаков. Но когда Сталину представили докладную записку, он мгновенно все понял и наложил резолюцию: такая организация нашей стране не нужна! А Зощенко и Булгакову их инициатива только добавила причин к опале.

— Сколько членов сейчас в русском ПЕН-клубе?

— Около двухсот.

— Бывает, что писателей исключают из ПЕН-клуба?

— Вот вам пример из внутренней истории международного ПЕНа. В 1933 году председателем его был Герберт Уэллс. На конгрессе был поставлен вопрос осуждения акции сожжения книг в фашистской Германии. Воздержались двое — делегаты от немецкого ПЕН-клуба, и они были тут же исключены из международного.

— А из русского ПЕН-клуба кого-нибудь исключали?

— Например, если кто-то очень сильно скомпрометировал себя активной пропагандой фашистских взглядов, сеянием межнациональной розни, пропагандой войны. Так произошло с писателем Тимуром Пулатовым, главой Союза писателей СНГ: он был исключен за нечто подобное.

— Международный ПЕН-клуб трудно представить себе без русских писателей...

— Идея, конечно же, витала в воздухе. К тому же страна хоть и стала демократической, в разгар перестройки писатели, журналисты очень нуждались в поддержке. Мы тогда сделали массу заявлений по Латвии, Литве, написали «Письмо 100». Когда началась чеченская война — мы тут, у себя, на Неглинке, каждый месяц проводили пресс-конференции. Мы же конкретно пытаемся спасти людей. К примеру, во время Чечни Окуджава лично спас лейтенанта Яценко, который отказался воевать, был приговорен к смертной казни и бежал. Булат спросил, где он был ранен. Яценко отвечает: «Под Моздоком». — «И меня во время войны под Моздоком...» Булат был потрясен таким совпадением и написал в «Известиях» статью. А мы направили письмо военному прокурору. И Яценко был помилован.

— Кроме Алины Витухновской, помогаете ли вы сейчас кому-нибудь конкретно?

— Алина, кстати, приглашена в начале сентября на Хельсин-

кский конгресс. Писатели, которые ее защищали, хотят увидеть ее и поговорить. В Хельсинки будут разбираться два наших дела, связанных с нарушением свободы слова. Первое — дело военного журналиста Григория Пасько, выступавшего против слива радиоактивных отходов с подлодок в Тихоокеанский регион.

Второе — в ноябре собираются судить ученого-эколога Александра Никитина из Санкт-Петербурга — преследуется за раскрытие тайны, которая на самом деле не составляет государственного секрета.

— ПЕН-клуб — чисто правозащитная организация?

— Нет, не совсем. Есть четыре направления.

Первое — работа Комитета мира. Очень конкретная. Вот, например, два года назад в Минске мы посадили за один стол писателей: грузина Джансунга Чарквани и абхазца Алексея Гогуга. Но обида оказалась настолько сильна, что они так и не смогли разговаривать и договориться. Зато много таких успешных попыток примирения наций через писателей сделал председатель Комитета мира международного ПЕН-клуба Борис Новак из Словении.

Второе направление условно называется «Писатель в заключении». Локальные ПЕНы и конгрессы оказывают давление на правительство страны, где преследуются писатели. Обращаются в ООН, в Международный парламент, в международные правозащитные организации.

Много случаев было и есть по Нигерии, Вьетнаму, Камбодже, Кубе, Узбекистану, к сожалению, в Беларуси.

— Борьба часто приносит реальные плоды?

— Ну, представьте себе как минимум, что с конгресса пишутся письма находящимся в заключении писателям. Лев Тимофеев, который одно время находился в тюрьме, рассказывал потом, что это поддержка такой силы, какую оценит только сидевший! Ты в тюрьме, один на один с вертухаями, и всему миру на тебя наплевать. И вдруг оказывается — за тебя идет борьба, да не какая-нибудь, а на международном уровне! «Ты не представляешь», — сказал он мне, — как это меняет отношение к заключенному и сколько придает сил ему самому!»

Уже только ради этого стоит собираться и работать. Когда в Узбекистане сидел известный прозаик Мамадали Махмудов, целая делегация — я, Тимофеев, два финна и датчанка — поехали туда — и прижали их правоохранительные органы международными законами. Махмудова им пришлось выпустить. Конечно, в этом заслуга не только наша.

— А дальше-то каково такому внутреннему эмигранту?

— Мы уже пристроили по миру человек 30 через систему «городов для беженцев». Она придумана Салманом Рушди, возглавляющим Международный парламент в Страсбурге вместе с лауреатом Нобелевской премии Воле Саинко из Нигерии. (Я —

член исполкома). Мы договариваемся с мэрами городов, чтобы они приняли на жительство того или иного писателя-беженца. Так, Альберта Мусина из Узбекистана мы отправили жить в Хельсинки. Узбекский поэт Ядгар Обид живет в Граце, в Австрии, узбекский же поэт и прозаик Сафар Бекжан — в Лозанне. Пока будет жить в Хельсинки молодая 18-летняя журналистка из Минска Алина Бельская: она выступала против Лукашенко... Между мэрией и международным ПЕН-клубом составляется договор, по которому беженец принимается на 1 — 1,5 года с достойным содержанием.

— Но ведь и что-нибудь чисто литературное есть в деятельности ПЕН-клубов?

— Третье направление касается лингвистических прав. Это отдельный комитет. Здесь в центре внимания умирающие языки. Комитет пытается воздействовать на правительство с целью сохранения языков малых народов. Вот приведу вам типичный пример. В Татарстане дети до сих пор учатся по советским учебникам. После первых же дней в школе они прибегают домой и жалуются: «Мама, я не хочу быть татарин! Там во всех учебниках — злой, ужасный татарин!» Значит, надо менять учебники! В Казани есть ПЕН-клуб, он-то и должен заниматься этим вопросом. Международный центр комитета находится в Барселоне. Кстати, я через наше пионерское отделение хочу подключить его к языковым проблемам народов Севера.

— И все-таки вернемся к 2000 году. Что нам толку от конгресса международного ПЕН-клуба в Москве?

— Это престижно. Это возможность показать свою страну наиболее мыслящим людям планеты.

— Лужкову придется сильно разориться?

— Совсем не придется.

— Зачем тогда ходили?

— Мы ходили не деньги просить. Мэр — это хозяин города, он же должен дать официальное разрешение на проведение столь солидного мероприятия. Каждый писатель оплачивает дорогу туда и обратно. Бесплатно русский ПЕН-клуб приглашает только почетных гостей — мы рассчитываем на визит к нам Маркеса, Марио Варгаса Льоса, Доктору, американской поэтессы Шэрон Олдс — всего около десяти — пятнадцати гостей.

— А гостиница?

— Деньги на гостиницу и питание дают спонсоры. Пять организаций уже согласились: АО ММТ, Ростелеком, Московская сотовая, NBN «Стройсервис», холдинговая компания «Савва». Частично расходы оплачивает ЮНЕСКО. Мы надеемся и на Благотворительный фонд Москвы.

И не надо недооценивать то, что по существу впервые в истории России здесь пройдет правозащитный конгресс. Более того. У меня такое предвидение: мы понадобимся! Еще больше, чем сейчас. Особенно после выборов. А может быть, и раньше.

Беседовала
Наталья КОРЕНЕВА